

Савва ДАНГУЛОВ

ТРУД И МЫСЛЬ

К 90-летию

со дня рождения

Мариэтты ШАГИНЯН

НАВЕРНО, само наше время обратило в миф притчу о поэте, который оборонился от жизни и жизненных тревог стенами пресловутой башни, — да есть ли такой поэт и мыслим ли он сегодня? Если речь идет о стенах из слововой кости, то вряд ли мыслим, однако во всем остальном...

В не столь уж отдаленные времена в южнорусском городе судьба свела меня с писателем. Город был невелик, и писатель, успевший заявить о себе — содержательной книгой, был фигурой заметной. Но вот его образ жизни был своеобразным. Собственно, это своеобразие было в облике человека, в самом цвете лица, не очень типичного для обитателей нашего знатного града: оно было неестественно белым, быть может, даже бело-зеленым. Оставалось понять, каким образом человек уберечь себя от нашего щедрого солнца. Впрочем, все вопросы снимались, если вам удавалось видеть, как человек пробегал на рысях не столь уж большое расстояние от дома до редакции городской газеты, где он работал литсекретарем, и обратно. Достигнув дома, он скрывался за высоким забором, скрывался с такой поспешностью, точно за ним была учинена погоня. Теперь никакими силами нельзя было извлечь его на свет божий — он уединился в прохладной полутьме сарайчика, стоящего в глубине яблоневого сада, склонившись над рукописью. Если, случалось, писатель необходим был городу, самое большее, на что можно было рассчитывать, что в неширокой прорези, оставленной в калитке для почтальона, появится пугливый глаз жены нашего героя, существа смятенного и простодушного, точно посланного ему небом специально для того, чтобы он, не дай бог, не помер с голоду.

Философия, которую исповедовал наш бледнолицый брат, сводилась к формуле: только время, отданное рукописи, «плоно», все остальное «пусто». Наверно, эта мысль могла возобладать в человеке, одержимом немалым эгоизмом, — человек очень берег себя, больше, чем должен беречь себя писатель... Ему было невдомек, что, оберегая, он выключает себя из жизни: сердце, не получившее нагрузки, перестает работать первым, как, впрочем, не только сердце... Не очень хочется обращаться при этом к судьбе человека, о котором идет речь, хотя судьба эта убедительно подтвердила правоту этой мысли...

Осталось единственное, что хранит память, по крайней мере моя: раздумье, острое, над тем, каким должен быть образ жизни писателя, как, впрочем, и сам писатель, строй его взглядов на свое призвание, и есть ли смысл ему вот так напрочь отсекал свой связи с живой действительностью, свои контакты с людьми, свое общение с миром, его окружающим? Не ведет ли это к самооскудению, к выхолощиванию того, что сообщала писателю жизнь. Обо всем этом ду-

маешь тем упорнее, что есть ведь и иные примеры в жизни, утверждающие иные принципы и законы. Один из них, на мой взгляд, в высшей степени поучителен — Шагинян. Пример ее жизни в литературе, пример ее подвижничества.

Убежден, что первосуть того, что делает писатель, что составляет содержание его работы и жизни, — в системе взглядов, в строе мировоззрения, в политическом идеале в конце концов. Шагинян прожила большую жизнь, при этом добрая треть ее относится к предреволюционной поре. Как ни определенно было у писательницы приятие Октября, процессу этому предшествовали поиски, достаточно упорные. Когда читаешь ранние работы Шагинян, в которых столь явственно звучат мотивы революции, необходимо усилие, чтобы поверить, что у писательницы в те годы были и сомнения, удивившие ее в сторону от главной дороги. К чести писательницы надо сказать, что она преодолевала эти сомнения, не отстранявшись от жизни, а вторгаясь в жизнь. Если же говорить о познании того, что есть наша революция, то для Шагинян, смею предположить, необыкновенно полезным было пребывание на российском юге, где накал борьбы был особенно силен, где события повернулись особенно круто.

Мне было интересно перечитать теперь шагиняновскую «Перемену», повесть, которую, как известно, высоко ценил Владимир Ильич. Интересно не только потому, что писательница воскресила в моей памяти события, которым и я отчасти был свидетелем, — город, описанный Шагинян, находился в трехстах километрах от моих отчих мест. Не только поэтому. Повесть Шагинян, как воспринял теперь ее я, в сущности является своеобразной дневниковой записью революционного времени, как оно предстало перед писательницей и было ею воссоздано. В самом движении сюжета, как и в развитии характеров «Перемены», есть достоверность события, подсмотренного наблюдательным глазом. В этом восприятии виденного обращает внимание одно обстоятельство: как ни драматичны события, автор не очень то драматизирует их — нагнетанию действия автор предпочитает спокойный рассказ о происходящем. На мой взгляд, это и делает «Перемену» убедительной.

Возможно, именно это достоинство «Перемены» и пришлось Владимиру Ильичу по душе, как, впрочем, и иное: недвусмысленность авторской позиции, определенность ее симпатий. Когда я говорю о политическом идеале, который добыт писателем в процессе соприкосновения с жизнью, мне хочется говорить о шагиняновской «Перемене», в которой революционное существо взглядов писательницы сказало столь недвусмысленно. Повесть Шагинян явилась немалым событием для страны, что заметно отразилось на популярности писательницы. Помню, как ее портрет возник впервые в ка-

бинете литературы школы, в которой я учился, — в ряду патриархов нашей классики портрет Шагинян был очень заметен. Я не видел этого портрета позже, но думаю, что Шагинян там было не больше тридцати: мне привиделась беззащитность в глазах молодой женщины, по-восточному древних...

Мне известен отзыв Мариэтты Сергеевны на книгу одного писателя, в нем, в этом отзыве, было три слова: «Живые строки — человечно». Хотелось бы обратить это определение к прозе самой Шагинян, к большой прозе — я говорю о «Перемене» и «Гидроцентрали». В содержательной работе Шагинян о Тарасе Шевченко писательница воспроизводит бриллиантовый афоризм, обращенный к художникам: «Не копируй, а всматривайся». Этот афоризм может быть по праву обращен к повествовательной прозе Мариэтты Сергеевны, которую мы упомянули. Поистине эти произведения вызваны контактом с живой действительностью, контактом, который вернее было бы назвать

М. С. ШАГИНЯН.

исследованием жизни — «Не копируй, а всматривайся!»

Но исследование требует не просто природного дара, оно требует знаний, и Шагинян не переоценивает тут своих данных — наверно, у Плановой академии, в которой Мариэтта Сергеевна училась, была специальная задача: чтобы говорить о промышленном преобразовании страны, вступая в спор, нередко профессиональный, и отстаивая свою точку зрения, писательница как раз этих знаний и недоставало. Но знания эти были необходимы Шагинян и по другой причине: все, что написано ею об индустриальном становлении страны, будь то ее большой роман или очерки о ганковых заводах за щитом Уральских гор, ставит новую проблему, неслет открытые, принципиально новое и для специалистов. Только в этом случае и роман, и очерк представляли интерес для Шагинян. Впрочем, этот принцип действует и иную тему. Прочтите шагиняновскую работу о Шевченко, которую мы упомянули выше, работу, удостоенную докторской степени: сколько в этой работе истинного новаторства, явившегося результатом поиска. Без преувеличения можно сказать, что это новое слово о Шевченко, с которым должны считаться все, кто будет еще писать о поэте.

Не случайно, что поиск, по своему неожиданный и смелый, открывающий новые пласты материала, является обязательным компонентом писательской работы Мариэтты Сергеевны. Не удивилось, если будущие биографы Шагинян, стремясь отразить эту сторону ее работы, составят своеобразную энциклопедию шагиняновских поисков, в которой будут воссозданы все ее экспедиции и описаны результаты их, результаты по-своему удивительные. Наиболее наглядно это сказало в работах Шагинян, которые условно можно назвать портретными очерками. Можно только удивляться, как ново и оригинально писательница про-

чала жизнь Гёте и Моцарта, Пушкина и Шевченко, Низами и Абояна, Гейне и Налбандяна. Нетрудно представить, какими путями следовала мысль Мариэтты Сергеевны, когда речь шла об ее исследовательских этюдах, посвященных, например, Пушкину и Налбандяну, — тут поиск и венчающая его находка были подготовлены изучением отчей культуры. Другое дело — немцы Гёте и Гейне. Сказать тут принципиально новое слово для Шагинян было многотрудно, но она это слово сказала.

Каждый, кого судьба stalkивала с Шагинян, помнит, как велик у нее интерес ко всему, что отмечено чертами поиска.

Лет десять назад мы выступили с Мариэттой Сергеевной перед ветеранами партии в Музее Революции. У меня сохранилась фотография, где мы сняты с Шагинян в этот день. Восемьдесят лет — возраст достаточно почтенный, а глаза Мариэтты Сергеевны, не тускнеющие, хранят остроту восприятия, которую не часто человеку удается в эту пору сберечь. Помню, я рассказывал в тот день о романе «Кузнецкий мост», который готовился к опубликованию в «Дружбе народов». Наверно, автору всегда его замысел кажется значительным — я евольно увлекся, рассказывая о романе. Обернувшись к Шагинян, которая сидела рядом, я увидел в ее взгляде то самое острое внимание, которое хранит фотография Мариэтты Сергеевны, сделанная в этот день. Мне была памятна беседа с Шагинян, состоявшаяся часом позже.

— По-моему, литература еще не касалась этой грани войны — дипломатия... — заметила Мариэтта Сергеевна. — Тут можно добыть новые краски.

Хорошо помню, что тон короткой реплики Мариэтты Сергеевны был очень добрым — Шагинян радовалась, желала удачи, а это было тем более приятно, что роман всего лишь готовился к опубликованию. Одновременно в словах, услышанных мною, мне привиделось нечто характерное для Шагинян: ценность всего нового ею измерялась и мерой неизвестного или малоизвестного, которое это новое содержало. Мариэтта Сергеевна была верна себе: открытие, даже самое скромное, как в данном случае, она считала призыванием литературы — мы привыкли видеть в ее лице первопроходца.

Сама великая интернационалистка, чье творчество вызвано и вдохновлено созданием Союза за Республик, Мариэтта Сергеевна явилась певцом этого многонационального братства. Армения, она посвятила свои работы национальной культуре России и Украины, Грузии и Азербайджана, Эстонии и Карелии — для писательницы это ценности родной культуры, сформировавшей ее интеллект, обогатившей мир ее мыслей и чувств.

Есть одна особенность в писательском почерке Мариэтты Сергеевны, определившая ее интерес к исследованию жизни: будь то поэт Гёте или композитор Рахманинов, революционер-просветитель Налбандян или народные певцы, сложившие Калевалу, обязательным условием этого интереса является философское своеобразие и глубина созданного. Именно философское своеобразие и глубина. Известно, что Гёте увлекал Шагинян и силой своей диалектической мысли, вступающей в борьбу с метафизикой и утверждающей себя в этой борьбе. Необходим немалый галант, чтобы органически соотнести два начала: художник и мыслитель. Наверно, и великому Гёте это удавалось не всегда: мыслитель подчас брал верх над художником. Думаю, что эта проблема стояла и перед Шагинян.

Одно из проявлений, как мне кажется, шагиняновского новаторства в литературе — это попытка отыскать такую форму произведения, чтобы мысль и образ в нем сочетались естественно, чтобы мысль не угнетала образ, а образ дал свободу мысли. Рискуны высказать предположение, что именно эта задача

решалась писательницей всю жизнь. Да, всю жизнь, а следовательно, с той начальной поры, когда ею были созданы ее первые произведения, интересные и в этой связи.

Помните, как своеобразно преломилась мысль писательницы в столь оригинальном романе, как «Своя судьба», главы которого опубликовал «Вестник Европы» в 1918 году. Такое впечатление, что Шагинян дает бой в романе и недавнему прошлому, которое для писательницы в какой-то мере автобиографично, — ведь роман восстает против идеализма, при этом в тех самых его проявлениях, где его вторжение в жизнь было особенно пагубно. Надо отдать должное писательнице: она обнаруживает немалую изобретательность и умение, чтобы сделать философскую категорию достоинством произведения литературы. Произведение носит сатирический характер, и это помогает реализации замысла.

Однако как это делает писательница? Действие происходит в санатории, где крупный ученый-психопатолог единоборствует с недугами, которыми страдают его подопечные. Эти недуги странным образом родственны болезням духа, распространенным в кругах буржуазной интеллигенции в предреволюционное время. Но что это за болезни — в их квалификации участвует не столько наука о физиологическом существовании человека, сколько социальное: «ненависть к нежданному», «совершенная нечувствительность к отличию правды от лжи», постоянное «ожидание несчастья», представление о жизни как о хаосе, взгляд на событие лишь с двух точек зрения, что, как можно понять, держит человека в состоянии постоянных сомнений и освобождает от необходимости иметь свое мнение. Иначе говоря, Шагинян написала политическую сатиру, однако не лишенную позитивной программы, которую в романе отождествляет его главный герой профессор Фёрстер, — стихий инстинктов, при этом, как можно понять, и низменных, герой романа противопоставляет силу воли и разума. «...Мы поднимаем самоуважение в большом», — декларирует Фёрстер, понимая, что утверждает и свой нравственный идеал, который тем более действителен, что соотносится с порой эпохальной: Октябрьская заря не за горами.

Но, наверно, есть сфера, углованная самой природой, где художник такого творческого склада, как Шагинян, с его любовью к философии, обретает свободу действия завидную. Духовный мир нового человека, богатство его интеллекта, многообразие его нравственных качеств — вот эта сфера. В высшей степени заманчиво раскрыть этот мир на примере Ленина, и Мариэтта Сергеевна сделала это блистательно, ознаменовав свой труд в литературе многочастной Ленинианой, которую венчают «Четыре урока у Ленина» — работа в нашей литературе во все отношения значительная. Поистине нужны были галант и опыт жизни Мариэтты Сергеевны, чтобы «Четыре урока...» были написаны. Особенность этой работы состоит в том, что Ленин, его духовная мощь, революционное существо его личности воспринять как бы через дни нынешний и грядущий — мы смотрим на Ленина глазами нашего современника, но видим его и таким, каким его увидят и наши далекие потомки. Убежден, что время не умалит, а еще больше возвысит работу Шагинян.

Возвращаясь к началу статьи, хочу сказать, что опыт великого подвижничества Шагинян в литературе учит: только жизнь дает писателю силы, только близость к жизни делает значение его труда для человека и необходимым, и непреходящим.

Дорогая Мариэтта Сергеевна, счастья Вам, здоровья и вдохновенной работы во славу родной литературы, которую Вы любили всегда и любите столь беззаветно, которой всегда так преданы!